

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

НИКОЛА ТЕСЛА

КУДА ИДЕТ
МИР:

К ЛУЧШЕМУ
ИЛИ
ХУДШЕМУ?

АЛЬБЕРТ
ЭЙНШТЕЙН

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Альберт Эйнштейн

**Куда идет мир: к
лучшему или худшему?**

«Алисторус»

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2)

Эйнштейн А.

Куда идет мир: к лучшему или худшему? / А. Эйнштейн —
«Алисторус», — (Философский поединок)

ISBN 978-5-906995-15-5

Никола Тесла – известный изобретатель, инженер, физик. Опытам Теслы приписывают связь с проблемой Тунгусского метеорита, «эксперименту Филадельфия» – превращения большого военного корабля США со всей его командой в невидимый объект и т. п. Считается, что Тесла имел прямое или косвенное отношение ко многим загадкам XX века. Помимо изобретательства Тесла живо интересовался проблемами развития мира в целом, написал ряд работ по актуальным вопросам политики и философии. Альберт Эйнштейн – выдающийся физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года, общественный деятель-гуманист. Кроме работ по физике, Эйнштейн – автор около 150 книг и статей в области истории и философии. В книге, представленной вашему вниманию, собраны лучшие философские и политологические произведения Н. Теслы и А. Эйнштейна. В них оцениваются главные события мировой истории XX века; дается ответ на вопрос, куда движется мир и что его ожидает в будущем. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-906995-15-5

© Эйнштейн А.

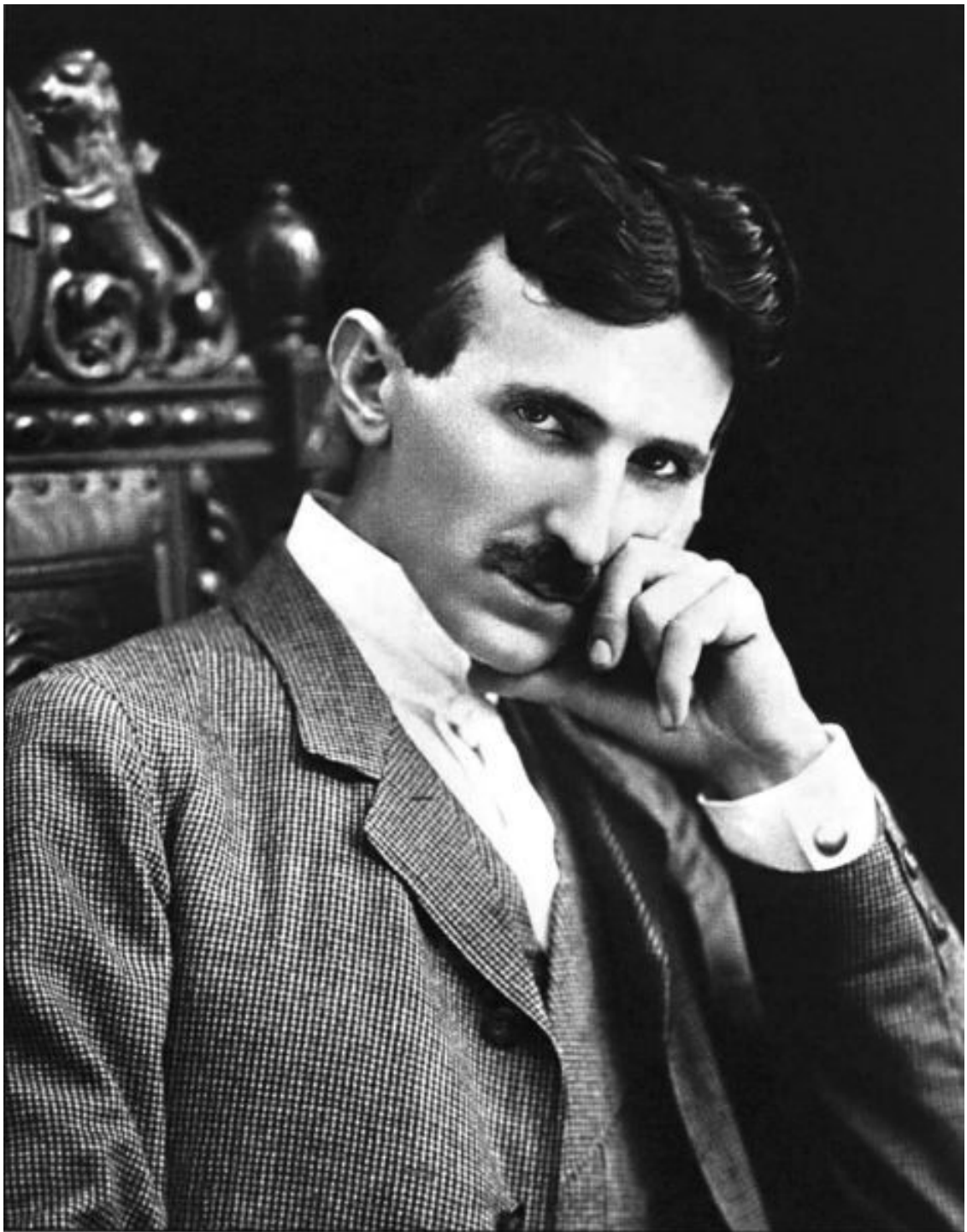
© Алисторус

Содержание

Н. Тесла	6
Вступление	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Никола Тесла, Альберт Эйнштейн Куда идет мир: к лучшему или худшему?

**Н. Тесла
Куда движется мир**

Никола Тесла – изобретатель в области электротехники и радиотехники, инженер, физик

Вступление

Высшей целью развития человека является полное господство сознания над материальным миром, использование сил природы для удовлетворения человеческих потребностей. В этом и состоит нелегкая задача изобретателя, труд которого порой остается не до конца понятен и оценен. Впрочем, изобретатель в качестве компенсации получает удовольствие от проявления своих способностей и от сознания того, что именно он является представителем того привилегированного класса, без которого человеческая раса уже давно исчезла бы с лица земли после ожесточенной борьбы с безжалостными стихиями.

Что касается меня, то я за свои годы испытал вышеперечисленные удовольствия уже столько раз, что моя жизнь стала казаться мне маленькой частью непрерывного экстаза. Мне оказано доверие быть одним из самых усердных работников. Возможно, я таковым и являюсь, так как если мышление есть эквивалент труда, то я посвятил ему почти все время бодрствования. Но если работой считать конкретный процесс в установленное время в соответствии с принятыми нормами, то я буду самым большим бездельником.

Пытаясь составить связный и точный перечень своих занятий, я должен подробно, хотя и без воодушевления, описать впечатления своей юности, а также обстоятельства и события, которые сыграли свою роль в определении моей карьеры.

Наши первые устремления – просто инстинкты, побуждения пылкого и неопытного воображения. По мере взросления начинает проявлять себя разум, и мы становимся все более и более внутренне собранными и можем что-либо задумывать. Но те ранние импульсы, пусть и не очень продуктивные, имеют важнейшее значение и могут сформировать наши истинные судьбы. В самом деле, сейчас я чувствую, что если бы понимал и ценил, а не сдерживал их, то существенно увеличил бы ценность того, что оставил миру. Но пока я не достиг зрелого возраста, то не осознавал того, что являюсь изобретателем.

Тому было несколько причин. Во-первых, у меня был брат, необычайно одаренный, один из тех редких людей, феноменальный склад ума которых невозможно объяснить биологическими исследованиями. Его преждевременная смерть оставила моих родителей в неутешном горе.

У нас жила лошадь, подаренная близким другом. Это было изумительное животное арабских кровей, обладавшее почти человеческой понятливостью, о котором заботилась и которое холила вся семья. При удивительных обстоятельствах эта лошадь спасла жизнь моего отца. Однажды зимней ночью его вызвали для исполнения неотложных обязанностей, и когда он ехал на лошади в горах, кишевших волками, лошадь испугалась и понесла, жестоким образом сбросив его на землю. Она пришла домой обессиленная, в крови, но как только была поднята тревога, немедленно помчалась обратно к тому месту, и прежде чем люди из поисковой группы дошли до места, они встретили моего отца, который, придя в сознание, снова сел на лошадь, не ведая, что пролежал на снегу несколько часов.

На этой же лошади лежит ответственность за раны моего брата, от которых тот умер. Я был свидетелем этой трагической сцены, и хотя с тех пор миновало пятьдесят шесть лет, мое зрительное впечатление от этого ни на йоту не утратило своей силы. Воспоминание о достижениях моего брата заставляет воспринимать все мои старания как нечто неинтересное.

Любые мои действия, достойные похвалы, вызывали у родителей лишь обостренное чувство потери. Поэтому я рос, не испытывая большой уверенности в себе. Но был далек от того, чтобы прослыть бестолковым мальчиком, если об этом можно судить по одному случаю, который я все еще живо помню. Однажды по улице, где я играл с мальчиками, проходили Олдерманы, старший из этих почтенных состоятельных джентльменов задержался, чтобы дать каждому из нас по серебряной монетке. Приблизившись ко мне, он остановился и скомандовал:

«Посмотри мне в глаза». Я поймал его пристальный взгляд, при этом моя рука уже потянулась, чтобы получить желанную монету, когда, к моему ужасу, он сказал: «Нет, хватит, ты от меня ничего не получишь, ты слишком смывленный».

Милутин Тесла, православный священник – отец Николы

Обо мне, бывало, рассказывали забавную историю. У меня были две тети. Обе старые, с морщинистыми лицами. У одной из них изо рта выступали два зуба, подобно бивням слона, которые она всякий раз вонзала в мою щеку при поцелуе. Ничто меня не страшило больше, чем перспектива попасть в объятия этих родственниц, таких любящих и таких непривлека-

тельных. Случилось так, что, когда я был на руках у мамы, они спросили меня, которая из них мне больше нравится. После внимательного изучения их лиц я, указав на одну из них, глубокомысленно ответил: «Вот эта не такая противная, как та».

И еще одно. С самого моего рождения было решено, что я стану священником, и эта мысль постоянно меня угнетала. Мне очень хотелось быть инженером, но отец оставался непреклонен. Он был сыном офицера, служившего в армии великого Наполеона, и вместе со своим братом, профессором математики в крупном учебном заведении, получил военное образование, но позднее, что довольно необычно, стал священником и на этом поприще достиг высокого положения. Он был очень эрудированным человеком, истинным естествоиспытателем, поэтом и писателем, а о его проповедях говорили, что они столь же проникновенны, как проповеди Авраама в Sancta-Clara. Он обладал удивительной памятью и часто читал наизусть, не пропуская ни слова, из сочинений на разных языках. Он иногда шутил, что если бы некоторые классические произведения были утрачены, то мог бы с легкостью восстановить их. Стиль его письма вызывал восхищение. Он писал короткими и выразительными предложениями, был остроумен и ироничен. Его забавные высказывания всегда отличались своеобразием и меткостью. Чтобы проиллюстрировать это, я могу привести несколько примеров. На нашей ферме был в работниках косоглазый человек по имени Мане. Однажды он колол дрова. Когда тот поднял топор, мой отец, стоявший рядом, почувствовал себя очень неуютно и предостерег его: «Ради бога, Мане, руби не то, на что смотришь, а то, что ты собирался рубить».

Однажды он пригласил на автомобильную прогулку приятеля, который беспечно позволил своему дорогому меховому пальто тереться о колесо экипажа. Мой отец обратил его внимание на это, сказав: «Втащите свое пальто внутрь, вы портите мою машину». У него была странная привычка разговаривать с самим собой, он часто вел оживленные беседы на разные голоса и предавался жарким спорам.

Случайный слушатель мог бы поклясться, что в комнате при этом находились несколько людей.

Хотя большую часть ответственности за свойственную мне склонность к изобретательству должна нести мать, воспитание отца, безусловно, было полезным. Оно включало в себя всякого рода упражнения – такие, как угадывание мыслей друг друга, нахождение несовершенства какой-либо формы или оборота речи, повторение длинных предложений или вычисления в уме. Эти ежедневные уроки имели целью укрепить память и развивать умственные способности и особенно критичность ума, и, без сомнения, очень благотворно на меня повлияли.

* * *

Моя мать происходила из старинного рода потомственных изобретателей, одного из древнейших в стране. Ее отец и дед придумали многочисленные приспособления для дома, фермы и для других применений. Она была поистине замечательной женщиной редких умений, смелости и силы духа, которая храбро встречала жизненные бури и прошла через многие тяжкие испытания. Когда ей исполнилось шестнадцать лет, страшная эпидемия охватила страну. Ее отца вызвали к умирающим для совершения обряда последнего причастия, и пока он отсутствовал, она сама пошла помогать в дом по соседству, где всю семью поразила страшная болезнь. Все члены семьи, их было пятеро, вскоре умерли один за другим. Она обмыла, одела и положила тела, украсив их по обычаю страны цветами, и когда возвратился отец, он убедился, что все готово для похорон по христианскому обряду.

Моя мать была изобретателем по призванию и достигла бы, я полагаю, замечательных высот, не будь она так далека от современной ей жизни с ее благоприятными возможностями. Она изобретала и создавала всевозможные инструменты и приспособления и ткала тончайшие узоры из нитей, спряденных ей самой. Она даже высевала семена и выращивала растения,

и сама извлекала волокно. Она без устали трудилась с рассвета до поздней ночи, и большая часть одежды и обстановки в доме сделаны ее руками. Когда ей было за шестьдесят, ее пальцы двигались достаточно проворно, чтобы в мгновение ока завязать три узелка.

Имелась и другая, еще более важная причина моего позднего пробуждения. В годы отрочества я страдал от необычных видений, зачастую являвшихся мне в сопровождении ярких вспышек света, которые искажали вид реальных предметов и мешали думать и творить. Это были изображения предметов и сцены, которые я видел как наяву, хотя впоследствии мне никогда их больше наблюдать не приходилось. Когда мне говорили слово – название какого-либо предмета, его образ живо представал перед моим взором, и иногда я был совершенно не в состоянии определить, являлось ли то, что видел, материальным или нет. Это вызывало у меня сильное чувство дискомфорта и страха. Никто из ученых психологов или физиологов, с которыми я консультировался, не смог дать удовлетворительное объяснение этим необычным явлениям. Они кажутся уникальными, хотя я, вероятно, был предрасположен к этому, поскольку знаю, что мой брат испытывал такие же неприятности.

Сформулированная мной теория объясняет видения как результат отраженного от мозга сигнала на сетчатку глаза под влиянием сильного возбуждения. Они определенно не были галлюцинациями, порожденными нездоровым и мучимым болью сознанием, ибо в других отношениях я был нормальным и спокойным. Чтобы понять мои страдания, представьте, что я присутствовал на похоронах или на другом мучительном зрелище. Затем неминуемо в тишине ночи яркая картина этой сцены проявлялась перед моими глазами и застывала, несмотря на все приложенные усилия прогнать ее. Иногда она даже оставалась зафиксированной в пространстве, хотя я пронизывал видение рукой.

Если мое объяснение верно, то вполне возможно спроецировать на экран изображение любого задуманного объекта и сделать его видимым. Такой прогресс произведет переворот во всех человеческих сферах. Я убежден, что это чудо возможно, и оно произойдет в будущем; могу добавить, что посвятил много раздумий решению этой проблемы.

Чтобы освободиться от этих мучительных явлений, я пытался сконцентрировать свои мысли на чем-нибудь другом, виденном мною раньше, и, поступая таким образом, часто добивался временного облегчения; но для этого мне приходилось постоянно вызывать в воображении новые образы.

Прошло немного времени, как обнаружил, что исчерпал имевшийся в моем распоряжении запас таких образов; моя «катушка», как говорится, быстро прокрутилась, потому что я мало что видел в мире – только предметы домашнего обихода и ближайшего окружения. Пока я проводил такие мысленные операции во второй или в третий раз, чтобы изгнать видения из поля моего зрения, это лекарство постепенно теряло свою силу. Тогда я подсознательно начал совершать экскурсии за пределы мирка, который знал, и увидел новые пейзажи. Сначала они были расплывчатыми и мутными и таяли, когда я пытался сосредоточить на них свое внимание, но постепенно преуспел в своих попытках зафиксировать их; они приобрели яркость и отчетливость и в конце концов приняли форму реальных предметов. Вскоре я сделал для себя открытие, что наилучшего состояния достигал, если просто продолжал двигаться по видеоряду все дальше и дальше, получая все время новые впечатления, и таким образом я начал путешествовать – мысленно, конечно. Ежедневно (а иногда днем), когда я был один, отправлялся в свои путешествия: видел новые места, города и страны, жил там, знакомился с людьми, заводил друзей и знакомых, и хотя невероятно, но это факт: они были мне так же дороги, как и те, что были в реальной жизни, и ни на йоту менее яркими в своих проявлениях.

Этим я постоянно занимался лет до семнадцати, когда мои мысли серьезным образом настроились на изобретательство. Тогда, к своему удовольствию, увидел, что с величайшей легкостью мог видеть внутренним зрением. Мне не нужны были модели, чертежи или опыты. Я мог столь же реально представлять все это в мыслях...

* * *

До восьми лет я отличался слабым и нерешительным характером. Мне не хватало ни храбрости, ни сил для твердых решений. Мои чувства накатывались на меня как волны и всегда доходили до крайностей. Мои желания проявлялись с расточительной силой и множились подобно головам гидры. Меня угнетали мысли о страданиях жизни, смерти и религиозный страх. Мной управляли суеверия, и я жил в постоянной боязни злых духов, привидений, великанов-людоедов и других чудовищ темного мира. Затем совершенно внезапно произошло потрясающее изменение, которое направило течение всей моей жизни по другому руслу.

Больше всего я любил книги. У моего отца была большая библиотека, и всякий раз, когда мне удавалось, я старался удовлетворить свою страсть к чтению. Он не разрешал мне этого и приходил в ярость, когда заставлял меня на месте преступления. Он спрятал свечи, когда обнаружил, что читаю тайком. Он не хотел, чтобы я испортил себе зрение. Но я раздобыл свечное сало, сделал фитиль, отлил свечки в оловянные формы, и каждую ночь, плотно закрыв окна и двери, читал, часто до рассвета, когда все еще спали, а моя мать начинала свою трудную ежедневную работу.

Однажды я случайно наткнулся на сербский перевод романа «Сын Абы», автором которого был Джосика, известный венгерский писатель. Это произведение каким-то образом разбудило мои дремлющие волевые качества, и я стал учиться самоконтролю. Сначала мои решения таяли, как снег в апреле, но через некоторое время я преодолел свою слабость и испытал удовольствие, какого никогда раньше не знал, – делать то, что хочется. С течением времени это волевое умственное упражнение стало второй натурой. Сначала мне приходилось бороться со своими желаниями, но постепенно желание стало совпадать с волевым устремлением. После нескольких лет тренировок я добился такой полной власти над собой, что играючи справлялся со страстями, которые и для самых сильных людей означали погибель.

Одно время я испытывал маниакальное пристрастие к азартным играм, что очень волновало моих родителей. Для меня было высшим удовольствием сидеть за карточной игрой. Мой отец вел примерную жизнь и не мог простить бессмысленную трату времени и денег, в чем я давал себе полную волю. Я был полон решимости, но мои аргументы выглядели слабо. И обычно говорил ему: «Я могу остановиться, когда мне будет угодно, но стоит ли отказываться от того, что доставляет райские удовольствия?» Часто случалось, что отец давал выход своему гневу и презрению, но моя мать была другой. Она понимала природу людей и знала, что спасение может прийти к человеку, если только он сам приложит усилия. Я помню день, когда проиграл все свои деньги и умолял дать мне сыграть еще. Она пришла ко мне с пачкой векселей и сказала: «Иди и получи удовольствие. Чем скорее ты проиграешь все, тем лучше. Я знаю, ты переболеешь этим». Она была права. В тот день и в той игре я победил свою страсть и лишь сожалел, что она не была в сто раз сильнее. И не только подавил, но вырвал ее из своего сердца, чтобы не оставалось даже следа желания. С тех пор всякого рода азартные игры стали для меня столь же малоинтересны, как ковыряние в зубах.

Одно время я чрезмерно курил, что грозило разрушением моему здоровью. Тогда о себе заявила моя воля, и я не только перестал курить, но подавил всякое влечение. Когда-то давно страдал от заболевания сердца, пока не обнаружил, что его причина – невинная чашечка кофе, которую выпивал каждое утро. Я сразу же прекратил пить кофе, хотя, признаюсь, это была нелегкая задача. Таким образом, я проверял и обуздывал другие привычки и страсти и не только сохранил свою жизнь, но и получил огромное удовлетворение от того, что большинство людей считают лишением или жертвой.

После окончания учебы в Политехническом институте и университете у меня было полное нервное расстройство, и пока длилась болезнь, я наблюдал многие явления, удивительные и невероятные...

* * *

Меня с детства заставляли прислушиваться к самому себе. Это причиняло мне много страданий, но, как я сейчас думаю, нет худа без добра, так как это научило меня понимать неопределимое значение самоанализа для сохранения жизни, а также как средство достижения цели.

Влияние профессии и непрерывный поток впечатлений, вливающих в наше сознание через врата познания, делают современное существование рискованным во многих отношениях. Большинство людей настолько глубоко погружены в изучение внешнего мира, что совершенно не замечают того, что происходит внутри них самих. Миллионы преждевременных смертей объясняются главным образом этой причиной. Даже среди тех, кто следит за собой, распространенной ошибкой является уход от мнимых опасностей и игнорирование реальных угроз. И то, что верно для одного человека, относится в большей или меньшей степени ко всем людям. Рассмотрим для иллюстрации реакцию на введение «сухого закона». Сейчас в стране осуществляется жесткая, хотя и неконституционная мера с целью недопущения потребления спиртного, и все же очевиден факт, что кофе, чай, табак, жевательная резинка и другие стимуляторы, к которым повсюду относятся снисходительно даже в отношении детей, в значительной степени вредны для нации, если судить по числу умерших. Так, например, в студенческие годы я читал некрологи, публиковавшиеся в Вене, родине любителей кофе, и пришел к выводу, что порой число смертей от болезней сердца достигало шестидесяти семи процентов от их общего количества. Подобные наблюдения можно было бы провести в городах, где имеет место чрезмерное потребление чая. Эти очень приятные напитки чрезвычайно возбуждают и постепенно истощают тонкие структуры головного мозга. Они также опасно влияют на артериальное давление, и их следует пить тем более умеренно, так как они вредят медленно и незаметно. С табаком легко и приятно думать, и он снижает напряженность и сосредоточенность, необходимые при каждом творческом и энергичном усилии интеллекта.

Жевательная резинка полезна в течение короткого времени, но вскоре она иссушает систему шейных желез и причиняет непоправимый вред, не говоря уже о вызываемом ею чувстве отвращения. Алкоголь в малых дозах – отличное тонизирующее средство, но поглощенный в больших количествах он действует как яд, при этом совершенно неважно, принимают ли его внутрь в виде виски или он образуется в желудке из сахара. Но нельзя упускать из виду, что по своему действию это мощные поглотители воды, стоящие на службе у Природы, поддерживая ее суровый, но справедливый закон выживания сильнейших. Нетерпеливым реформаторам следует также помнить о вечном упрямстве человечества, которое скорее предпочтет безразличное попустительство осознанному ограничению.

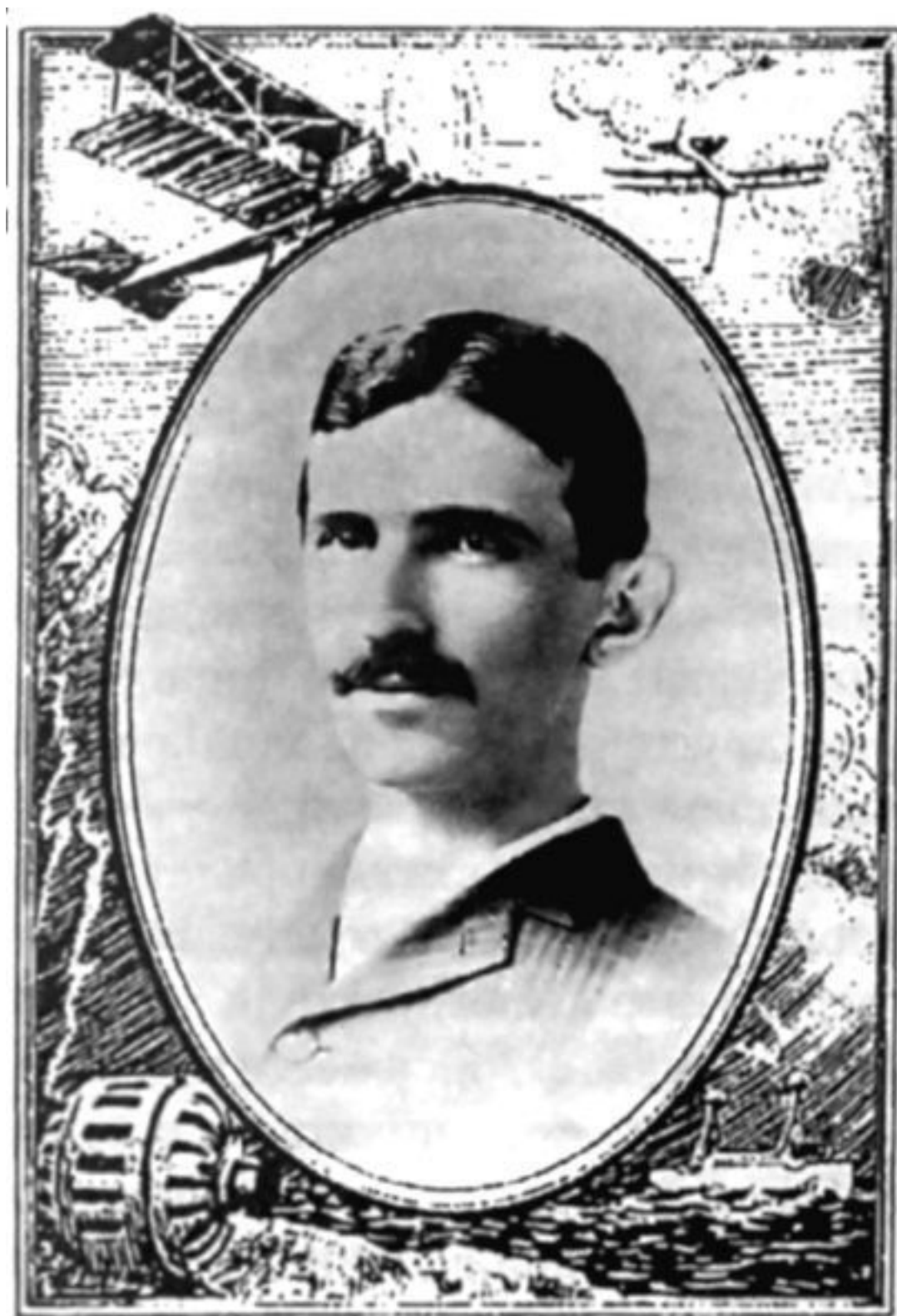
Истина в этом вопросе состоит в том, что мы нуждаемся в стимуляторах, чтобы наилучшим образом выполнить свою работу в существующих жизненных условиях, и в том, что мы должны проявлять умеренность и контролировать свои аппетиты и склонности во всех сферах. Именно так я и поступал в течение многих лет, сохраняя тем самым молодость души и тела. Умеренность не всегда была мне по душе, но я нахожу более чем достаточное вознаграждение в тех полезных познаниях, которые в итоге приобрел. В простой надежде соотнести некоторые опыты с моими принципами и убеждениями привожу один или два примера.

Не так давно я возвращался в свой отель. Ночь выдалась очень холодная, дорога скользкая, и не было ни одного такси. За мной шел другой мужчина, который, очевидно, подобно мне стремился попасть под крышу. Вдруг мои ноги оказались в воздухе. В то же мгновение я

ощутил вспышку света в голове, нервы отреагировали, мышцы сократились, я развернулся на 180 градусов и приземлился на руки. И, развернувшись, продолжал свой путь как ни в чем не бывало, когда незнакомец нагнал меня. «Сколько вам лет?» – спросил он, оглядев меня критически. – «Почти пятьдесят девять», – ответил я. – «Что из того?» – «Видите ли, – сказал он, – я наблюдал, как такое проделывает кошка, но человек – никогда».

Некоторое время спустя, решив заказать новые очки, отправился к окулисту, который подверг меня обычным испытаниям. Тот взглянул на меня с недоверием, когда я с легкостью прочитал самый мелкий шрифт на значительном расстоянии. А услышав, что мне за шестьдесят, открыл рот от изумления.

Никола Тесла в возрасте 33 лет. 1889 г.

Мои друзья часто отмечают, что костюмы сидят на мне точно по фигуре, но они не знают, что вся моя одежда шьется по меркам, снятым почти 35 лет назад и никогда не менявшимся. В течение всего этого периода мой вес не изменился ни на фунт.

В этой связи могу рассказать забавную историю. Однажды зимним вечером 1885 года г-н Эдисон, Эдвард Х. Джонсон, президент Осветительной компании Эдисона, г-н Бачелор, мене-

джер по строительству, и я вошли в небольшое здание напротив дома № 65 по Пятой авеню, где размещались офисы компании. Кто-то предложил угадывать вес, и меня заставили встать на весы. Эдисон ошупал меня всего и, не глядя на весы, сказал: «Тесла весит 152 фунта с точностью до унции», – и угадал точно. Без одежды я весил 142 фунта и до сих пор сохраняю этот вес. Я спросил шепотом у г-на Джонсона: «Как Эдисон смог так точно определить мой вес?» – «Что ж, – сказал он, понизив голос, – скажу вам по секрету, но вы не должны ничего говорить. Он долгое время работал на чикагских скотобойнях, где ежедневно взвешивал тысячи свиных туш. Вот почему!» Мой друг, почтенный Чонси М. Дэпью рассказывал об одном англичанине, которого поразило одним из своих анекдотов и который слушал его с озадаченным видом. Однако прошел год, прежде чем он громко рассмеялся. Я должен честно признаться, что у меня ушло больше времени, чем у того англичанина, прежде чем я смог оценить шутку Джонсона.

Таким образом, мое благополучие является просто результатом осмотрительного и взвешенного образа жизни, но, вероятно, самым удивительным представляется то, что в юности болезнь трижды превращала мое тело в безнадёжную развалину, и врачи отказывались от меня. Более того, из-за невежества и беспечности я попадал во всякого рода трудные, опасные ситуации и переделки, из которых выбирался почти чудом. Я много раз тонул, едва не был сварен заживо и лишь случайно избежал кремирования. Меня хоронили, теряли, замораживали. Я был на волосок от смерти, спасаясь от бешеных собак, кабанов и других диких животных, переболел ужасными болезнями, и на мою долю выпадали всяческие нелепые случайности. И если я сегодня крепок и бодр, то это представляется чудом. Но когда я воскрешаю в памяти все эти эпизоды, знаю точно, сохранение моей жизни не было всецело случайным.

Спасительную роль, в сущности, играет устремленность изобретателя. Управляет ли он энергиями, совершенствует ли механизмы или работает над улучшением комфортности, он делает наше существование более безопасным.

Любой изобретатель лучше, чем обычный человек, подготовлен к тому, чтобы защитить себя в случае опасности, потому что он наблюдателен и находчив. Если бы у меня не было других доказательств, что я в некоторой степени обладаю такими качествами, то нашел бы их в своих личных опытах.

* * *

Однажды лет в 14 мне захотелось напугать своих друзей, с которыми вместе купался. Мой план был таков: нырнуть под длинное плавучее сооружение и незаметно всплыть с противоположной стороны. Я научился плавать и нырять так же естественно, как это делает утка, и был уверен, что смогу совершить этот подвиг. Итак, я нырнул в воду и, когда меня не стало видно, сделал поворот и быстро поплыл к противоположной стороне. Полагая, что благополучно проплыл под этим сооружением, поднялся к поверхности, но, к своему ужасу, ударился о балку. Я, конечно, быстро нырнул и рванул вперед, энергично работая руками, пока запас воздуха не начал иссякать. Когда всплыл во второй раз, то опять уперся головой в балку! Меня охватило отчаяние. Несмотря на это, собрав все силы, предпринял третью безумную попытку, но результат был тот же. Пытка задержанным дыханием становилась нестерпимой, в голове моей был сумбур, и я почувствовал, что тону. В тот момент, когда мое положение казалось абсолютно безнадёжным, я ощутил одну из тех самых вспышек света, и сооружение надо мной предстало перед моим мысленным взором. Я разглядел или угадал, что между поверхностью воды и досками, лежавшими на балках, было небольшое пространство, и в полубессознательном состоянии подплыл туда, прижался ртом к деревянной обшивке. Я сумел втянуть в себя немного воздуха, к несчастью, вместе со струей воды, которой едва не подавился. Повторив эту процедуру как во сне несколько раз, пока мое сердце, трепетавшее в ужасном ритме, не успо-

коилось, я, наконец, пришел в себя. После этого я много раз безуспешно нырял, совершенно утратив чувство направления, но в конце концов достиг цели, выбравшись из ловушки, в то время как мои друзья уже отчаялись найти меня живым и искали в воде мое тело.

Для меня тот купальный сезон был испорчен моей опрометчивостью, но вскоре я все забыл и уже через два года попал в более худшую ситуацию. Недалеко от города, где я в то время учился, стояла мельница с запрудой на реке. Обычно уровень воды над плотиной составлял всего лишь 2–3 дюйма, и доплыть до нее было развлечением, не очень опасным, которому я часто предавался. Однажды отправился на реку один, чтобы как всегда получить удовольствие от переправы вплавь. Однако когда до камней оставалось небольшое расстояние, к своему ужасу увидел, что вода поднялась и меня понесло с большой скоростью. Я попытался выбраться, но было слишком поздно. К счастью, меня все-таки не сбросило потоком вниз на камни, я спасся, ухватившись за плотину обеими руками. Грудь мою очень сильно сдавливало, я едва мог удерживать голову над водой. Не было ни души в поле зрения, а мой голос терялся в реве водопада. Постепенно я терял силы и больше не мог противостоять натиску. И когда уже собирался разжать пальцы и разбиться о камни внизу, то увидел в яркой вспышке света знакомую формулу принципа гидравлики, согласно которому давление движущейся жидкости пропорционально площади, на которую оказывается давление, и автоматически повернулся на левый бок. Как по волшебству давление уменьшилось, и я обнаружил, что в таком положении сравнительно легко могу сопротивляться силе потока. Я знал, что рано или поздно меня унесет вниз, поскольку никакая помощь не могла прийти ко мне вовремя, даже если бы удалось привлечь к себе внимание. Сейчас я одинаково владею обеими руками, а тогда был левша, и в моей правой руке было сравнительно мало силы. По этой причине и не отваживался повернуться другим боком, чтобы передохнуть, и мне ничего не оставалось, как прижиматься телом к плотине. Мне следовало перебраться подальше от мельницы, находившейся прямо передо мной, потому что здесь течение оказалось более быстрым, а река глубокой. Это было долгое и мучительное испытание, и я едва не погиб в самом его конце, потому что ближе к берегу плотина располагалась ниже. Из последних сил я сумел преодолеть это препятствие и упал без чувств, достигнув берега, где я был обнаружен. У меня оказалась содрана почти вся кожа с левого бока, и прошло несколько недель, пока утих жар и я выздоровел.

Вот только два из многих примеров, но и этого достаточно, чтобы показать: если бы не мое природное чутье изобретателя, некому было бы рассказать эту историю.

* * *

Заинтересовавшись, люди часто спрашивали меня, как и когда я начал изобретать. На этот вопрос могу ответить лишь исходя из моих нынешних представлений, в свете которых первая запомнившаяся мне попытка стала весьма претенциозной, поскольку она затрагивала изобретение прибора и метода. Первое было похоже на меня, но второе оказалось в новинку. Вот как это произошло. Один мой товарищ детских игр заимел крючок и рыболовные снасти, вызвавшие настоящее волнение в деревне, и на следующее утро все занялись ловлей лягушек. Я остался один, покинутый всеми, из-за ссоры с этим мальчиком. Никогда не видевший настоящего крючка и представлявший его себе как нечто чудесное, наделенное особыми свойствами, я был в отчаянии от того, что не в компании со сверстниками. Подстрекаемый настоятельной потребностью, я сумел раздобыть обрывок мягкой стальной проволоки, заострил конец, расплющив его с помощью двух камней, согнул его, придав нужную форму, и привязал к прочной веревке. Затем срезал удилище, набрал наживки и спустился к ручью, где в изобилии водились лягушки. Но я не смог поймать ни одной и почти охладел к этому занятию, когда мне пришлось на ум покачать крючком перед лягушкой, сидевшей на пеньке. Сначала она шлепнулась около меня, ее выпученные глаза налились кровью. Раздувшись, она стала в два раза больше и злобно

схватила крючок. Я немедленно подсек ее. И повторил это еще и еще раз, и метод оказался безошибочным. Когда ко мне пришли мои товарищи, ничего не поймавшие, несмотря на прекрасное снаряжение, они готовы были лопнуть от зависти. Я долгое время хранил свой секрет и наслаждался монополией, но в конце концов раскрыл его, уступив рождественскому настроению. Теперь каждый мальчик мог делать то же самое, и следующее лето стало бедствием для лягушек.

В своей следующей попытке я, видимо, действовал под влиянием изначального инстинктивного побуждения, которое позже всецело поглотило меня – поставить природную энергию на службу человеку. И сделал это, используя майских жуков – или июньских жуков, как их называют в Америке, – которые стали настоящим бедствием для страны. Иногда под их тяжестью ломались ветви деревьев, кустарник был просто черен от них. Я прикреплял четверку жуков к крестовине, которая вращалась, надета на тонкий шпindel, и передавал движение описанной конструкции на большой диск – и таким образом получал значительную «энергию». Эти существа оказались удивительными тружениками, так как стоило их запустить, и они уже не проявляли желания остановиться и продолжали кружить часами, и чем жарче было, тем усерднее они трудились.

Все шло хорошо до тех пор, пока не появился новый мальчик – сын отставного офицера австрийской армии. Этот пострел ел майских жуков живьем, будто это были нежнейшие блу-пойнтские устрицы. Такое отвратительное зрелище положило конец моим опытам в этой многообещающей области, и из-за этого случая я никогда больше не смог дотронуться до майского жука в частности и до любого другого насекомого вообще.

Затем, мне помнится, я занялся разборкой и сборкой часов моего дедушки. И всегда успешно справлялся с первой операцией, но часто терпел неудачу в последней. В конечном итоге все пришло к тому, что он неожиданно положил конец моим занятиям и сделал это не слишком деликатным образом. Прошло тридцать лет, прежде чем я снова взялся за разборку часового механизма.

Вскоре после этого я стал заниматься изготовлением пневмо-ружья, которое состояло из полый трубки, поршня и двух пеньковых пыжей. Чтобы выстрелить из него, нужно было прижать конец поршня к животу, а трубку быстро оттянуть назад обеими руками. Воздух между пыжами сжимался и нагревался до высокой температуры, и один из пыжей вылетал с громким звуком. Искусство состояло в том, чтобы среди прямых тонких трубок выбрать подходящую, с зауженным концом. Я с большим успехом применял это ружье, однако моя деятельность вступила в конфликт с окнами в нашем доме и была пресечена небезболезненным способом.

Если мои воспоминания точны, то затем я пристрастился к вырезанию мечей из мебели, которую мог легко раздобыть. В то время я находился под влиянием сербской народной поэзии и восхищался подвигами героев. И имел обыкновение целыми часами «косить» своих врагов, принявших образ стеблей хлебных злаков, что было губительно для посевов, а я заработал настоящую трепку от своей матушки.

* * *

Все это и кое-что еще я испробовал, будучи шести лет от роду и проучившись один год в начальной школе в деревне Смиляны, где и родился. Затем мы переехали в городок Госпик, что находился неподалеку. Такая смена места жительства стала для меня подобна бедствию. Я был глубоко несчастен, расставшись с нашими голубями, курами и овцами и с нашей великолепной гусиной стаей, поднимавшейся, бывало, к облакам по утрам и возвращавшейся на закате в боевом порядке, таком совершенном, что он мог бы посрамить эскадрилью лучших авиаторов современности. В нашем новом доме я был лишь узником, наблюдающим за незнакомыми людьми сквозь оконные шторы. Моя робость оказалась столь сильна, что я скорее

встретился бы с рычащим львом, чем с одним из гуляющих по городу пижонов. Но мое тяжчайшее испытание наступало в воскресенье, когда приходилось надевать парадную одежду и присутствовать на службе в церкви. Там со мной произошел несчастный случай, при одной мысли о котором кровь застыла у меня в жилах годы и годы спустя. Это стало моим вторым приключением в церкви. Незадолго до этого я был погребен ночью в старой часовне на труднодоступной горе, которую посещали лишь раз в году. Это было ужасное переживание, но сейчас оказалось еще хуже.

В городе проживала состоятельная дама, любезная, но напыщенная женщина, которая обычно приходила в церковь ярко накрашенная, одетая в пышное платье с огромным шлейфом и в сопровождении слуг. В один из воскресных дней я только что закончил звонить в колокол на колокольне и мчался вниз по лестнице. Когда эта гранд-дама величаво шествовала к выходу, я в прыжке случайно наступил на ее шлейф. Он оторвался с треском, который прозвучал как залп ружейного огня необученных рекрутов. Мой отец побагровел от гнева. Он несильно ударил меня по щеке, и это было единственное телесное наказание, которому он когда-либо подвергал меня, но я его чувствую и сейчас. Замешательство и смятение, возникшие после этого, невозможно описать. Я фактически был подвергнут остракизму, пока не произошло событие, вернувшее меня в уважаемую часть общества.

Один молодой предприимчивый тип организовал пожарное депо. Была куплена новая пожарная машина, заготовлена униформа, а команда обучалась для несения службы и проведения парадов. Пожарная машина представляла собой окрашенный в красные и черные цвета насос, который приводили в действие шестнадцать человек. Однажды после полудня шли приготовления к официальному испытанию, и машину доставили к реке. Все население явилось туда, чтобы полюбоваться замечательным зрелищем. Когда закончились все речи и церемонии, прозвучала команда качать насос, но ни одной капли воды не упало из брандспойта. Преподатели и эксперты тщетно пытались найти неисправность. Фиаско казалось полным, когда я прибыл к месту действия. Мои знания механизма были нулевыми, и я почти ничего не знал о давлении воздуха, но инстинктивно потрогал водозаборник, лежавший в воде, и обнаружил, что он пуст. Когда я прошел поглубже в воду и расправил рукав, вода мощно хлынула, испортив немало воскресных нарядов. Архимед, бежавший обнаженным по улицам Сиракуз и кричавший во весь голос: «Эврика!», не произвел большего впечатления, чем я. Меня несли на плечах, я стал героем дня.

После того как мы поселились в городе, я начал посещать четырехгодичные курсы в так называемой средней школе, чтобы подготовиться к обучению в колледже, или реальном училище. В течение этого периода мои детские опыты и подвиги, а также беды продолжались. И среди прочего я достиг уникальной известности в качестве лучшего ловца ворон в округе. Мой способ ловли был чрезвычайно прост. Я, бывало, шел в лес, прятался в кустах и имитировал крик птицы. Обычно получал несколько ответов, и вскоре какая-нибудь ворона слетала вниз в заросли рядом со мной.

После этого мне оставалось лишь бросить кусок картона для отвлечения ее внимания, вскочить и схватить ее, прежде чем она успеет выбраться из подлеска. Таким образом я отлавливал столько птиц, сколько хотел.

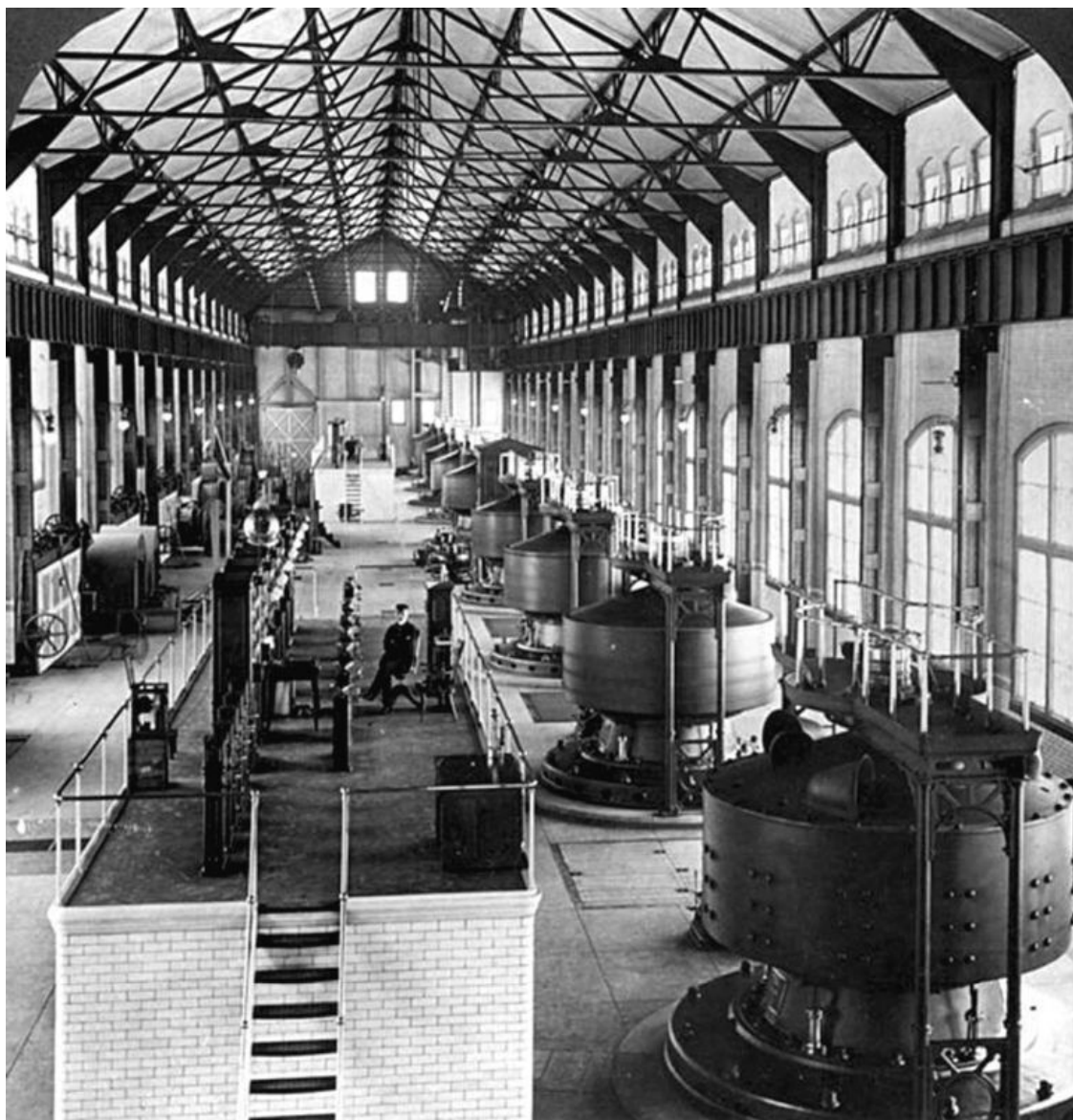
Но однажды произошло нечто, что заставило меня уважать их. Я поймал пару превосходных птиц и возвращался домой с другом. Когда мы вышли из леса, на опушке уже собрались тысячи каркающих ворон. Через несколько минут они взлетели, преследуя нас, и вскоре окружили. Было весело до тех пор, пока я вдруг не получил удар по затылку, который сбил меня с ног. Затем они злобно набросились на меня. Обескураженный, я отпустил обеих птиц и был счастлив присоединиться к своему другу, укрывшемуся в пещере.

Насколько необычно проходила моя жизнь, может проиллюстрировать один случай. В школьном классе находилось несколько механических моделей, которые интересовали меня.

Но полностью моим вниманием завладели водные турбины. Я сконструировал множество турбин и получал огромное удовольствие, испытывая их в работе. Мой дядя не видел достоинств в такого рода занятиях и не раз упрекал меня. Я был очарован описанием Ниагарского водопада, которое внимательно прочитал, и рисовал в своем воображении большое колесо, вращаемое водопадом.

Я сказал дяде, что поеду в Америку и осуществлю этот проект. А спустя тридцать лет увидел свою идею, претворенную в жизнь на Ниагаре, и изумился непостижимой тайне мысли.

Внутренний вид гидроэлектростанции на Ниагаре, действующей по принципу системы многофазных переменных токов Теслы

Я конструировал другие, самые разные приспособления и хитрые штуковины, но из всего этого наилучшими были мои арбалеты. Стрелы, запускаемые мною, исчезали из вида, а при небольшой дальности полета пронзали сосновую доску толщиной в один дюйм. Из-за постоянного натягивания лука кожа у меня на животе сильно огрубела и выглядела как у крокодила; и я часто задаюсь вопросом, не этим ли тренировкам обязан я способностью даже теперь переваривать булжники?! Не могу также обойти молчанием свои игры с пращей, которые давали мне возможность устраивать ошеломляющие выступления на ипподроме. А теперь последует

рассказ об одном из моих подвигов, связанном с этим старинным орудием войны, рассчитанный на доверчивость читателя. Я упражнялся с пращой, гуляя у реки с дядей. Солнце садилось, играла форель, и время от времени какая-нибудь рыба выскакивала из воды, ее сверкающее тело четко вырисовывалось на фоне скалы. Конечно, любой мальчик мог бы оглушить рыбу в таких благоприятных условиях, я, однако, выбрал более трудный способ. И рассказал дяде в мельчайших подробностях, что намеревался сделать. Я хотел метнуть в рыбу камень так, чтобы прижать тушку к скале и разрезать ее пополам. Сделано было быстрее, чем сказано. Мой дядя, ошеломленно взглянув на меня, воскликнул: «Vade retro, Satanas! – Изыди, сатана!» Прошло несколько дней, прежде чем он начал со мной разговаривать. Другие деяния, не менее великолепные, уступают этому в яркости, но я полагаю, что мог бы преспокойно почивать на лаврах еще тысячу лет.

* * *

Едва я окончил начальный курс в реальном училище, меня свалила опасная болезнь или, скорее, десяток болезней, и мое положение стало таким безнадежным, что от меня отказались врачи. В этот период мне разрешили читать вволю, и я брал книги в публичной библиотеке, в работе которой имелось много упущений, и мне было поручено произвести классификацию книг и составить каталоги. Однажды мне вручили несколько томов новых поступлений, не похожих на все, что я когда-либо читал, и таких увлекательных, что они заставили совершенно забыть о моем безнадежном состоянии. Это были ранние произведения Марка Твена, и возможно, им я обязан вскоре последовавшим чудесным выздоровлением. Спустя двадцать пять лет, когда я познакомился с г-ном Клеменсом и между нами возникла дружба, я рассказал ему о том случае и изумился, увидев, что этот великий мастер смеха залился слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.